

На правах рукописи

Шашин Захар Сергеевич

**МИСТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

Специальность 09.00.01 Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ
диссертация на соискание учёной степени
кандидата философских наук

5 ДЕК 2013

Киров – 2013

005541590

Работа выполнена на кафедре философии и социологии
ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель:

Юлов Владимир Фёдорович, доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Официальные оппоненты:

Стерледев Роман Константинович, доктор философских наук, доцент,
ГБОУ ВПО «Пермская государственная медицинская академия имени ака-
демика Е. А. Вагнера»

Семено Наталья Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, ГБОУ
ВПО «Кировская государственная медицинская академия»

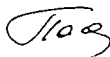
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермская государственная академия
искусства и культуры»

Защита состоится 19 декабря 2013 г. в 16:00 на заседании диссертаци-
онного совета Д 212.041.02 при ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гу-
манитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская,
д. 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ
ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу:
г. Киров, ул. К. Либкнехта, 89.

Автореферат разослан 18 ноября 2013 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Познание является одной из ключевых тем в современной философии. Среди современных тенденций развития гносеологии можно особо выделить расширение её предметного круга; помимо науки сюда включаются ненаучные типы познания: познание животных, практическое познание и мировоззрение. В составе последнего все большую актуальность приобретают нетипичные формы – эзотерическое познание и различные формы мистики. Обращение к «иррациональным» формам такого рода объясняется как социальными, так и исследовательскими факторами. Современные процессы глобализации и повышения доступности информации посредством сети Интернет способствуют развитию интереса к восточному мировоззрению и особенно к его мистическому содержанию. Этот интерес обусловлен усилением взаимодействия западного мира с восточной культурой, которая пронизывает экономическую, политическую и духовную сферы жизни. Внимание к восточной духовности сопряжено с экзистенциальными поисками смысла жизни у определённой части западного общества, вызванными кризисом смысложизненных ценностей западной культуры: возникло состояние своеобразного духовного вакуума, детерминированного засильем утилитарных и прагматических ценностей потребительского образа жизни и понижением значимости традиционных религиозных идеалов. Данная ниша стремительно заполняется ценностями восточных духовных учений, которые адаптируются к условиям западного образа жизни носителями восточных традиций. Эти сложные процессы сопровождаются формированием специализированного бизнеса и получением значительных доходов, что противоречит самой идее духовности.

Особый интерес у западных ученых вызывают восточные мистические практики. То, что раньше представлялось сугубо иррациональным и противостоящим целям и нормам науки, оказалось предметом, вполне доступным для эмпирических и теоретических исследований. Возможности экспериментальной техники выросли, благодаря чему стало возможным изучать отдельные элементы мистического опыта в контексте научных методик и методов. С другой стороны, высшие руководители традиционных религий востока выдвигают программу диалога и союза не только с западной наукой, но и со светскими образовательными центрами. В этом направлении следует особо выделить фигуру Далай-ламы XIV. Такие современные процессы продолжают линию своеобразной экспансии восточной духовной культуры в недра западного общества. В настоящее время практикуются самые разные формы союза западной науки и восточного мировоззрения: создаются особые образовательные центры, проводятся объединённые конференции научно-духовного содержания (к примеру, с целью обсуждения проблемы нейронаук с участием не только учёных, но и представителей традиционных восточных духовных учений и медитативных практик). Активно разворачивается диалог между западной медициной и мастерами, практикующими традиционную восточную

медицину. В этом русле разрабатывается оригинальный проект «секулярной этики» и сопряженная с ним система психо-эмоциональной гигиены.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время исследования мистицизма и восточного мистицизма в частности находятся в стадии своего становления и развития. Данная проблематика тематизируется несколькими блоками проблем. Первый блок – соотношение рационального и иррационального в содержании мистики. В данном разделе можно выделить два уровня: оценка мистики с точки зрения естествознания и с точки зрения гуманитарной науки. Второй уровень представлен философской и, в частности, гносеологической рефлексией. В аспекте первого уровня можно выделить исследования следующих авторов: Г. О. Айдемиров, А. Н. Ахметсафин, И. А. Бескова, В. Г. Буданов, В. П. Горан, Т. П. Григорьева, А. П. Дубров, В. П. Казначеев, И. Т. Касавин, Л. С. Клейн, В. В. Козлов, Н. А. Мартишина, В. Н. Пушкин, С. Баррет (S. Barrett), Д. Бом, Г. Бэйтсон, С. Гроф, К. Гроф, Р. Дэвидсон (R. Davidson), Дж. Кабат-Зинн (J. Kabat-Zinn), Ф. Капра, Э. Ласло (E. Laszlo), К. Матук (C. Matuk), В. Мэнсфилд, К. Прибрам, К. Робинсон, К. Росси, Э. Росси, В. Сигер (W. Seager), З. Сигал (Z. Segal), К. Уилбер, Р. Уилсон, Р. Форман (R. Forman), Г. Хант, Г. Чарлтон (G. Charlton).

Второй уровень соотношения мистического познания и философской гносеологии раскрыт в работах таких авторов как С. С. Аверинцев, Е. Г. Балагушкин, С. И. Гессен, С. Ю. Ключников, В. А. Лекторский, А. С. Майданов, А. Сафронов, М. Т. Степанянц, В. С. Стёпин, Е. А. Торчинов, Г. В. Хлебников, С. Е. Ячин, Э. Андерхилл, Дж. Вудхилл (J. Woodhull), Р. Генон, У. Джеймс, Э. Дэвис, Д. Странден, Р. Уолш (R. Walsh), М. Харнер (M. Harner), Р. Шарф (R. Sharf), М. Элиаде, К. Г. Юнг.

Заслуживает внимания и аспект, характеризующий сущность мистического опыта. В связи с данным вопросом следует говорить о материалах работ Е. Г. Балагушкина, Л. А. Бессоновой, С. Н. Волкова, А. Н. Волковой, М. А. Гуши, А. Г. Климовича, Т. В. Малевич, Л. Н. Митрохиной, И. Р. Насырова, А. В. Позднякова, Е. Г. Романовой, Д. Соколова, Ю. А. Степанчук, Д. М. Угринович, А. Р. Фокина, М. Л. Хорькова, О. Б. Яцевича, К. Кастанеды. Важное место в понимании мистического опыта принадлежит изучению изменённых состояний сознания. Их исследованием занимались такие авторы, как Л. П. Гримак, В. В. Козлов, В. Н. Пушкин, Ч. Тарт, У. Джеймс, С. Гроф, Г. Хант, К. Г. Юнг, А. Маслоу, Р. Уолш, Л. П. Гримак. Ключевое место в структуре мистического опыта занимает медитация. Эту тему освещали И. А. Бескова, Д. Ильин, В. В. Козлов, В. Г. Лысенко, Атиша, А. Берзин, М. Бир, К. Брейзиер, Г. Бэйтсон, С. Гроф, Далай-лама XIV, О. Диксон, Э. Доген, Б. Керзин, Лама Анагарика Говинда, Лама Янгчен Гавэ Лодой, Дж. Лилли, Т. Лири, Дж. Лури, Миларепа, Нагарджуна, Свами Шивананда, Т. Д. Судзуки, И. Таймини, Тендзин Вангьял Римпоче.

Значительное место в понимании мистики занимает мистическое мышление, его анализом и рефлексией интересовались многие авторы: С. Р. Аблеев, С. С. Аверинцев, Е. Г. Балагушкин, Е. П. Блаватская, Б. Б. Ви-

ногородский, Т. П. Григорьева, В. Е. Еремеев, Е. В. Зорина, И. Т. Касавин, В. Г. Лысенко, Н. П. Мартыненко, А. А. Маслов, С. А. Матвеев, А. С. Майданов, С. М. Неаполитанский, А. В. Парибок, Е. И. Рерих, Н. К. Рерих, В. И. Рудой, Ю. М. Сердюков, Р.К. Стерледев, Ф. И. Щербатский, М. Албахари (M. Albahari), А. Берзин, Л. Дюпре, Ф. Жюльен, Ф. Капра, Б. Керзин, К. Джэ, Лама А. Говинда, П. Мур, М. Таймини, К. Уилбер, Ч. Цзунхуа, А. Чатгерджи, М. Чиа, М. Элиаде.

Объектом исследования является мистическое познание в духовных традициях востока.

Предметом исследования выступает мистический опыт в многообразии его форм и основные учения восточной мистики.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы рефлексивно представить систему связей восточных мистических практик с философско-религиозными учениями.

Таким образом, определяются следующие **задачи исследования**:

1. Применить рациональную гносеологическую стратегию к содержанию восточного мистического мировоззрения.
2. Сформулировать понятийные определения базисных элементов восточного мистицизма, используя сравнение с западной ценностной системой духовности на основе общей схемы структуры сознания.
3. Представить главные идеи восточной мистической духовности и оценить их через призму норм западной науки.
4. Охарактеризовать познавательную сущность восточного мистического опыта.
5. Репрезентировать гносеологические аспекты восточного мистического мышления.

Методологические и теоретические основания работы. В качестве стратегического подхода к теме использована концепция В. Ф. Юлова о трехуровневой структуре человеческого сознания, где на базе телесности существуют и функционируют бытийственная психика, ментальная чувственность и интеллект. Если бытийственную психику составляют Я-Самость, эмоциональные переживания и воля, то ментальная психика содержит сенсорные впечатления, способности веры, сомнения и внимания. Содержанием интеллекта выступают знания, они структурируются триадной технологией: метод → предмет = результат. По данной схеме структурируются элементы познавательного опыта (ощущение, восприятие, представление), они обретают единство чувственного знака и рационального значения. Мышление складывается из четырёх актов: а) постановка проблемы, б) поиск и формирование метода, в) инструментальный этап, г) оценка результата. Это применимо к специфике мистического опыта и мистического мышления. Схема усилена подходом сетевой парадигмы Г. Бэйтсона, где фигурируют понятия Креатуры и Плеромы, аналогового и цифрового языка. Сочетание подходов позволяет адекватно выявить рациональные основания восточного мистицизма.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующих тезисах:

1. Установлен общий рациональный контур восточной мистики, преодолевающий не критическое представление о его полной иррациональности.
2. Проанализированы базисные элементы восточной духовности: «этика», «дисциплина», «психогигиена», «личностная интерпретация».
3. Проведена аналитическая оценка медитации с точки зрения западной науки, установлены рациональные аспекты медитативного процесса.
4. Рефлексивно осмыслены специфические черты высших форм восточного мистического опыта.
5. Рассмотрен феномен мистического мышления и выявлены его основные рациональные акты.

Положения, выносимые на защиту:

1. Единый рациональный контур восточной мистики представляет схема из следующих взаимосвязанных компонентов: а) этическое содержание духовной рациональности; б) нейтрализация эмоциональных переживаний с целью развития способности интеллекта наделять сенсорные впечатления духовными смыслами (первые ступени в восьмеричном пути йоги Патанджали); в) жизнь субъекта мистики как постоянная духовная практика; г) интуитивное прозрение в трансцендентную сущность мира (буддийская «випашьяна», низшие уровни «самадхи»).

2. Базисными элементами восточной духовности являются: а) придание образу жизни мистика этической направленности; б) дисциплинирование физического тела системой особых упражнений; в) гигиена ментальной чувственности посредством культивирования сосредоточенности и внимания; г) усвоение и личностная интерпретация духовных способов описания и концепций понимания мира; д) достижение целевых парадоксальных состояний отождествления с единым, высшие уровни «самадхи», недвойственности «ригпа», буддийская «нирвана».

3. Медитация, как базисная практика мистицизма, осмыслена с позиции нейронаук; выделены рациональные признаки и терапевтические значения процесса медитации: релаксация тела и нервной системы, устранение негативных шумов нижних уровней психики, излечение неврозов и психосоматических болезней, повышение уровня работы интеллекта.

4. Особенности высших форм восточного мистического опыта являются: а) практика визуализации тонко-энергетических структур тела; б) отождествление с «образами» высших сущностей, включающее как интуицию, так и рефлекссию; в) определение жизненного сценария восточного мистика в виде сочетания «пути, ведущего вперед» и «пути, ведущего назад» (в разных традициях – разные приоритеты); г) комплексный опыт переживания смерти (тантрические практики, посмертная медитация «тугдам», «маха-самадхи»); д) переживание парадоксальных состояний.

5. Мистическое мышление представляет собой систему следующих актов: а) предметом мистического мышления выступает проблема преодоления

иллюзорного существования в мире страдания «сансары» и постижение абсолюта; б) методом является интроспективная медитативная практика уменьшения хаоса нижних уровней психики, формирование навыка длительного сосредоточения на объекте или без объекта («экаграта»), ведущее к интуитивному прозрению; в) результатом мистического мышления становятся невербализируемые специфические состояния сознания, называемые «самадхи», «сатори», «ригпа».

Теоретическая и практическая значимость работы. Диссертационное исследование закладывает теоретические и методологические основы изучения восточного мистицизма. Выводы диссертации могут быть использованы в философском осмыслении новых тенденций и направлений в естествознании и гуманитарных науках, исследованиях проблем межкультурного диалога восток-запад, проблем сознания (онтологические вопросы сознания, интеракция сознание-материя и др).

Разработанный подход к пониманию специфики рациональности в восточном мистицизме даёт возможность преодолеть стереотип понимания мистики как сугубо иррационального явления, элиминирующего мистику из горизонта интересов научного постижения бытия и культуры.

Выводы и теоретические положения могут быть использованы в разработке учебных курсов для школьников, студентов высших учебных заведений, магистрантов и аспирантов по программам «секулярной» этики, ментальной и эмоциональной гигиены, учебным курсам по онтологии и теории познания, восточной философии, мистической культуре Запада и Востока.

Апробация работы. Основные положения диссертационного поиска отражены в авторских публикациях, они были представлены и вынесены на обсуждение на трёх межрегиональных научных конференциях «Философия-Культура-Социум: аспекты взаимодействия» (г. Киров, 2011–2013 гг.), Всероссийской конференции «Актуальные проблемы истории и философии науки: теория и практика» (г. Ростов-на-Дону, 2013 г.). Также доклады обсуждались на заседаниях методологического семинара аспирантов и докторантов кафедры философии и социологии ВятГГУ. Опубликовано две работы в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК. Отдельные аспекты диссертации привлекались в качестве учебных материалов в курсе «Философия» на направлениях подготовки: 030600.62 История, 030200.62 Политология, 040100.62 Социология. Объём занятий, связанных с диссертационным исследованием: 4 лекционных часа, 2 часа семинарских занятий.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения; трёх глав, списка литературы в количестве 217 наименований, трёх приложений. Объём диссертации составляет 196 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** даётся обоснование актуальности темы исследования, освещается степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, даётся описание его теоретической и методологической основы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава исследования «**Духовная рациональность мистического сознания**», посвящена анализу и пояснению понятия «мистика», выявлению рациональных аспектов мистического, а так же разбору феномена мистического сознания.

В *первом параграфе* «**Понимание мистики**» был проведен анализ значения и этимологии слова «мистика» в западном и восточном употреблении. Был сделан вывод, что при явном различии западного и восточного подходов, интегрально и транскультурно мистику можно рассматривать как особый вид субъективного опытного знания, интуитивного прозрения в смысловую сущность мира (будд. «випашьяна»), сопровождающегося элиминацией субъект-объектного восприятия. На более высоких уровнях мистических состояний может происходить отождествление субъекта с высшим началом мира, Абсолютом. Мистические состояния сопровождаются особыми феноменальными паттернами содержания сознания, которые могут характеризоваться как однонаправленная концентрация, экстаз, восторг, различный визионерский опыт взаимодействия с богом, богами, святыми, мудрецами-риши, бодхисаттвами, даками и дакинями и другими сущностями, вербальная невыразимость, а на высших уровнях: а) чувство растворения в первоначале или природе (слияние «Атмана» и «Брахмана» в адвайта-веданте); б) угасание всякой феноменологической активности сознания (будд. «нирвана», йогич. «асампраджнята-самадхи»); в) достижение высшей свободы (йогич. «кайвалья»), характеризующееся всеведением, трансценденцией пространства и времени.

Во *втором параграфе* «**Мистика: рациональное и духовное**» проведен анализ феномена рациональности, выделена и определена духовная рациональность и мистическая рациональность. Духовность – это взгляд на жизнь с позиции Вечности и позиции Другого, а так же с позиции «проекта идеала человека». Духовная рациональность – это рациональность неявных связей в сетевой онтологической парадигме (Г. Бэйтсон), подразумевающей связность всех элементов Вселенной друг с другом. Мистическая рациональность есть вид интегральной духовной рациональности, представленной практическим путём применения духовных идеалов в жизни и поиском предельных оснований мира. Однако, всё содержание восточной мистики нельзя свести к чистой рациональности. Здесь работает формула взаимодополнения рационального и иррационального. Тем не менее, следует признать приоритет рационального над иррациональным.

В *третьем параграфе* «**Мистическое сознание**» проведен анализ сущности и структуры мистического сознания. Обозначены основные вопро-

сы, связанные с изучением феномена сознания, намечены возможные варианты решения данных проблем с позиции интеграции современной науки и восточных духовных традиций. Выделены интерналистские и экстерналистские методологические стратегии исследования сознания. К интерналистским стратегиям можно отнести практико-ориентированные древние духовные и мистические традиции и философское априорное понимание. В содержание экстерналистских методов входят апостериорный анализ или «натуралистическая методология» и научный анализ. Критически осмыслены научные подходы к сознанию: физикализм, функционализм, элиминативизм. Обозначены сильные и слабые стороны данных подходов. Рассмотрены интерналистские подходы к сознанию на материале интегральной и трансперсональной психологии, буддийской трактовки структуры сознания, описываемой через процессы умирания. Данные процессы проходят по восьми ступеням последовательного растворения-перехода грубых форм и движется к более тонким и затем к тончайшим: материя, чувство, восприятие, намерение, познание, психическое, тонкое и причинное и дух. Первые четыре ступени связаны с функционированием тела и составляющих его элементов. Вторые четыре ступени связаны с функционированием психики и сознания человека. От наиболее грубых материальных форм к более тонким и тончайшим. Если во время жизни каждый человек учится владеть своим телом, чувствами, процессами восприятия и намерения (воли), то каждая последующая ступень становится все более труднодостижима и сложна для контролирования (что требует длительной и систематической практики самонаблюдения). Буддийская практика медитации высших ступеней тантры повторяет процессы умирания, но без непосредственной смерти. Таким образом, практик постоянно учится распознавать и контролировать различные уровни ума. Хотя буддисты не отрицают связи мозга и сознания, они выделяют такие структуры сознания, которые не связаны с их материальным носителем, и, следовательно, неразрушимы. Такой структурой является наивысший уровень сознания – «Сознание Ясного Света». Современные исследования еще далеки от возможности однозначного понимания обозначенных нами проблем. Необходимо учитывать то, что данные исследования находятся на стыке нескольких культур и традиций мироописания, в научных кругах присутствует откровенная предубежденность по отношению к традиционным знаниям и верованиям, радикально отличаются языки научного и традиционного миропонимания. Однако, подобные исследования не только возможны, но и целесообразны.

Центральным является вопрос о познавательном подходе к сознанию. На наш взгляд, в исследовании сознания необходимо сочетать как исследования от третьего лица, так и от первого. Сведение сознания только к деятельности мозговых структур разделяет все недостатки методологического редукционизма. В третьем параграфе анализируется структурная концепция сознания, показывающая три уровня сознания, которые дополняют друг друга и образуют иерархическую организацию. Данная концепция учитывает разнокачественные

слои сознания, позволяющая совместить взгляды от первого лица (субъективный подход) и от третьего лица (объективный подход), что позволяет учитывать два существенных измерения: практическую жизнь и познание. Рассмотрена духовная практика как сочетание знания о духовных ценностях, двух видов психики и телесности. Эта связь реализуется на разных иерархических уровнях: телесность и бытийственная психика «внизу», ментальность и интеллект «сверху». Духовный опыт и практика интегрируют все способности человека: телесность (телесные и дыхательные упражнения (техники)), способности бытийственной и ментальной психики, интеллектуальные умения. Здесь особо контролируются эмоциональные переживания, которые не доходят до уровня страстей и аффектов. Особенно велика роль интеллекта, который учитывает этические запреты и предписания, задаёт смысло-ценностные ориентиры духовной практики. Благодаря этому мистик приходит к специфическим состояниям сознания (паттернам феноменальной активности), «сплавляя» интеллект, ментальную и бытийственную психику в единый поток сознания. Тхеравадинский учитель Аджан Амго, настоятель буддийского монастыря Амаравати, отмечает, что Блаженный Восьмеричный путь может быть сконцентрирован в трёх основополагающих элементах (что соответствует нашей модели сознания): во-первых, моральная, этическая добродетельная жизнь (контроль бытийственной психики), во-вторых, практика ментальной устойчивости и медитации (здесь ментальная психика выступает как основа для «сплавления» всех элементов сознания), в-третьих, развитие глубокого понимания реальности, культивирование мудрости (интеллектуальное знание и интуитивное прозрение). Именно система этих составляющих ведёт к прекращению психологического и духовного страдания. Предварительная практика очищает сложные психические комплексы бессознательного (см. теорию С. Грофа о базовых перинатальных матрицах и системах конденсированного опыта), одухотворяет повседневную деятельность и, выражаясь буддийским языком, уничтожает загрязнения ума («клеши»), как проявленные, так и непроявленные, «кармические» семена будущих действий и событий.

Особую трудность для осмысления составляют сложные этапы духовных практик, связанные с единым потоком сознания. Такой поток характеризуется устойчивостью и направленностью на определённый объект медитации, а на более поздних и более тонких стадиях медитации объект отсутствует. На определённом уровне переживания медитатора перестают поддаваться вербальному описанию, что объясняется выходом за пределы структур сознания, связанных с языком и логическим мышлением. Буддийская тантрическая традиция описывает данные состояния как состояния «Ясного Света», представляющего сознание-как-такое. Здесь актуализируется вопрос о соотношении целей духовной практики: насколько хорошо соотносятся идеи Нирваны, рассмотрения индивидуальной «душа-атмана» в «Брахмане», осознание «Пуруши», «Шуньяты» или «Уцзы» и т. д. Данный вопрос остаётся открытым. Мы склонны считать мистическими переживаниями в восточных традициях именно эти состояния.

Во второй главе «Мистическое познание: единство опыта и мышления» рассмотрено мистическое познание как единство особого опыта и специфического мышления.

В первом параграфе «Мистический опыт» рассмотрен феномен мистического опыта, его понимание в западном религиозноведении. Панорамно передан спор представителей перенниализма (Р. Генон, О. Хаксли, С. Радхакришнан, С. Х. Насра и др.), эссенциализма (У. Джеймс, Э. Андерхилл, Д. Б. Прагг, У. Стэйс, П. Гриффитс, К. Уилбер, А. Дейкман, Р. Стадстил) и конструктивизма (С. Катц, У. Праудфут, Б. Гарсайд). Подробно рассмотрена концепция «акт чистого сознания» Р. Формана. Согласно данной концепции, во время медитации происходит замедление мыслительного процесса, понижение внимания к ощущениям тела, приостановление «проективной» деятельности ума – фантазий и мечтаний. Постепенно умственная деятельность становится однонаправленной. Внимание сдвигается к перерывам (промежуткам) между мыслями, «ментальным» паузам, которые по мере практики становятся длиннее, что в конечном итоге может привести к состоянию полного спокойствия ума, то есть «акту чистого сознания» (pure consciousness event, PCE). В состоянии «акта чистого сознания» нет феноменологической сложности, оно просто. В нём нет какого-либо содержания, «акт чистого сознания бессодержателен». Во время переживания такого состояния нет никакой динамики феноменологических изменений – каждый момент идентичен предыдущему и последующему. На наш взгляд, подход Р. Формана хотя и обладает значительным потенциалом понимания интровертных мистических опытов, однако имеет ряд существенных недостатков. Автор, понимая мистическое состояние как «нулевой опыт» незаслуженно игнорирует все иные виды мистического опыта: аудиальный, визионерский и др. Так же в традиционных восточных учениях и практиках существуют детально разработанные и описанные ступени и методы медитативного погружения, созданные для разных типов личностей с различными психическими и ментальными особенностями. Такие ступени и методы подразумевают не только и не столько очищение (успокоение) сознания до нулевого, бессодержательно-го уровня, сколько нравственное и духовное совершенствование и культивирование мудрого прозрения в сущность бытия. Например, в буддийской традиции это практики «шуньяты» и «випашьяны». Еще более детально разработана тантрическая система, которая содержит сложные комплексные визуализационные практики. По словам Будды, если под просветлением понимать сидение без мыслей, то самыми святыми окажутся дураки и безумцы, что в корне неверно. Р. Форман в понимании мистического опыта предлагает опираться в большей мере на свой собственный опыт, нежели на тексты «великих мистиков». Безусловно, такой подход имеет эвристический потенциал, однако стоит заметить, что любой опыт, в том числе и личностный, подвергается интерпретации постфактум. В распознавании опыта как мистического уже имеется культурная детерминанта. Более того, мистический опыт, если он не является полностью спонтанным, требует определённой длительной и

систематической практики его достижения, которая принадлежит к той или иной традиции и передается учителем ученику. По этой же причине многие духовные учителя указывают на невозможность полноценного обучения по письменным источникам. Таким образом, теория «акта чистого сознания» так или иначе имеет соприкосновение с контекстуалистской теорией. Духовный путь всегда индивидуален и всегда выстраивается в тандеме учитель-ученик, исходя из их интересов, склонностей и возможностей.

Далее проанализирована практика медитации, как мистический опыт. Вполне обоснован вывод о том, что медитация, во многом, – это техники успокоения, визуализации и т.д., ведущие к мистическому опыту, но сами таковым не являющиеся. Обычно мистический опыт, хотя и является результатом длительной практики, спонтанен. Он может индуцироваться извне учителем или иными сущностями (если признать их существование). Важным аспектом является не просто введение сознания практика в состояние «нулевого опыта», а гносеологическая наполненность медитации, интуитивное прозрение (мудрость) в сущность объекта медитации.

Проведена демаркация духовного мистического опыта и опыта психопатологических состояний. Психопатологическое понимание экстаза и описание «самадхи» очень близки друг к другу. На наш взгляд, кардинальным отличием состояния «самадхи» от экстатических психопатологических состояний является её познавательный аспект. Речь идёт о внутреннем, интуитивном прозрении в сущность мира и природы «Я» («Пуруши»). Если психопатологические экстазы являются индуцированными определёнными психо-физиологическими нарушениями, то экстаз «самадхи» возникает в результате длительной, досконально продуманной практики. Однако, как замечает М. Элиаде, йогическая практика – это практика сознательного ухода от обычной жизни, противопоставления себя жизни (например, осознанная задержка дыхания в «прамаямах» и т.п.), что само по себе может расцениваться современными медиками как форма своеобразной патологии. Ответ на вопрос о патологичности высших мистических состояний, индуцированных психо-невралгическими нарушениями, наркотиками или длительной практикой будет зависеть от познавательных предубеждений, социальных паттернов восприятия и понимания нормальности. На наш взгляд, грань между патологией и мистическими состояниями тонка, но всё же она есть, поскольку речь идёт о целевом состоянии. Патология возникает в силу ряда объективных и субъективных причин, часто неосознаваемых, в то время как постоянная духовная аскетическая или монашеская практика имеет перед собой цели освобождения, познания и понимания. В данных практиках чётко прослеживается необходимость контроля над эмоциональными переживаниями (страстями) бытийственной психики. Собственно медитация протекает на двух сопряженных друг с другом уровнях ментальной психики и интеллекта. Субъект медитации должен выделить значимые сенсорные впечатления и направить своё внимание на них, сохраняя такую сосредоточенность длительное время («шаматха»). Поскольку в интеллекте уже есть концепты, заложенные

обучением и размышлением, то задача ума в состоянии медитации состоит в глубоком понимании, интуитивном прозрении их смыслов («випашьяна»).

Рассмотрены современные научные исследования медитативных техник. Медитация рассматривается современными медиками как альтернативная трактовка медицины. Дж. Кабат-Зинн ссылается на Д. Бома, указавшего на родственность слов «медитация» и «медицина», имеющих общие индоевропейские корни и восходящих к слову «измерять»: то есть, всякий предмет имеет свою собственную внутреннюю меру правильности. «Медицина является способом восстановления правильного внутреннего баланса или меры, а медитация есть прямое восприятие правильности, внутренней меры всех феноменов». Истинная медитация заключается в том, как человек проживает свою жизнь, насколько осознанно он подходит к каждому её аспекту. О медитации как о технике говорят только на начальных этапах обучения, в дальнейшем она становится способом жизни, бытия. Научные исследования влияния медитации продолжаются, однако имеется и критическая оценка данных исследований. Основная проблема на данный момент – неполнота и отсутствие строгости в методологии подобных исследований. На первый план в их материалах выходит проблема прозрачности и релевантности результатов опросов испытуемых. Если для исследования классических методов лечения существуют детально разработанные методы проведения исследований, исключающие субъективное влияние пациента (слепой метод) и экспериментатора (двойной слепой метод) на результат, то в данном случае исследуется субъективное влияние пациента (и, возможно, экспериментатора) на динамику заболевания. Подобные исследования требуют более сложных методов оценки. Однако, у современных исследователей есть возможности изучения влияния медитативных процессов, минуя субъективные оценки испытуемых.

Итак, можно констатировать проблематичность, дискуссионность, но в то же время перспективность исследований медитации. В ближайшие годы прогнозируются рост количества и качества фундаментальных и клинических исследований, широкая интеграция медитативных техник в сферу медицины, психологии, неврологии и повседневной жизни. Технологический подход к медитативным практикам, как к мощному инструменту поддержания здоровья, развитию психических, ментальных, когнитивных способностей, с интегрированной позиции строгой науки и духовной мудрости может дать серьёзные результаты как в осознании человечеством самого себя, так и в понимании путей построения более здорового и справедливого мирового сообщества.

Во *втором параграфе «Мистическое мышление»* проанализировано мистическое мышление, его структура и функции, а так же выделена особая роль языка мистики на материале даосского памятника Дао Дэ Цзин. Мистическое мышление представлено как трёхчастный процесс «проблема – метод – результат», выявлены его особенности. Мышление в традиционном восточном мировоззрении не является самоцелью, оно есть средство дости-

жения особого состояния сознания человека, понимание им своей духовной природы, растворение или отождествление с высшей реальностью. В связи с этой особенностью мистическое мышление не боится противоречий, и даже наоборот, может стремиться к ним, что отличает его от норм научного мышления. Язык мистика, так же как и любой другой язык, является способом описания холистических связей на стыке Креатура (Пуруша) – Плерома (Праkritи). В данном свете решается спор о влиянии культурной детерминации или наличии неизменного ядра мистического опыта: язык описания фиксирует опыт, в то время как опыт детерминирует язык. Сетевая парадигма, в противовес смысловой пустоте капиталистической системы симулякров (Ж. Бодриар, Ж. Делёз), основывается на символической нагрузке в процессе обмена информации как в форме, так и в содержании. Общества, построенные по принципу символического обмена, более реальны и жизнеспособны. Язык духовных учений, изначально ориентированный на символическое содержание, с одной стороны описывает способы взаимодействия между Креатурой и Плеромой, с другой – детерминирует эти взаимодействия. Как было указано выше, характерной чертой рассматриваемых нами традиций является не теоретизирование, а практическое применение элементов учения. Усвоение языка духовного учения есть усвоение способа мышления, который, с одной стороны, задан опытом предыдущих поколений мистиков, а с другой стороны, определяет опыт последующих поколений. Однако такое определение носит лишь частичный характер, так как язык структурирует практику достижения определённого состояния или переживания, в то время как качественный аспект данного переживания всегда субъективен. Именно из-за фундаментальной субъективности любого духовного опыта невозможно построение единой универсальной методологии достижения этого опыта.

Проанализирована связь мистического языка на материале даосского памятника Дао Дэ Цзин. Этот текст показывает «Дао» как путь духовно-практический и вполне реализуемый. «Дао» реализуется на двух уровнях: внутреннем, мистическом «отсутствии», и внешнем, практическом «присутствии», парадоксально совмещающихся в идеале даоса. Язык мистики многозначен и позволяет трактовать тексты различными способами. Мистическое мышление опирается на опыт: вне непосредственной практики познающего субъекта любое философствование не является имеющим гносеологическую силу интеллектуальным действием. Более того, при серьёзной доктринальной разнице различных учений (например, буддизм и брахманизм), служившей порой причиной кровопролитных конфликтов, идеалом познавательной деятельности для представителей как буддизма махаяны, тхеравады и дзен, брахманизма и йоги, даосизма было – видеть мир в его истинной сущности, вещи – такими, какие они есть, в их «таковости». Это означает отсутствие «шума» бытийственной и ментальной психики, загрязняющего чистое видение, опора на доктринальное знание, истинность которого подтверждается путём ссылки на авторитетный источник, логически проверенный личностным размышлением и реализованный в опыте субъективной практики. Мы видим, что мистическая

практика познания есть объединение особого стиля мышления и опыта, выражающихся в специфическом языке.

В *третьей главе* «Достижение трансцендентной сущности: практика опыта и способ умозрительного мышления» на материале восточных духовных учений выявлены особенности умозрительного мышления (первый параграф) и практического опыта (второй и третий параграфы) мистических традиций. Проанализированы важные аспекты буддизма тхеравады и ваджраяны, а так же даосизма. Как буддийское, так и даосское мировоззрения имплицитно содержат в себе базис мистического понимания мира.

В *первом параграфе* «Сознание как первичная природа» анализируется буддийское мировоззрение и практики. Мышление начинается с осознания основной проблемы – устранение страдания через удаление «клеш» посредством визуализации. Общая медитативная методика работы соответствует нашей модели трехчастной структуры сознания. Однако остаются некоторые элементы, выходящие за рамки нашей модели. Подобные практики приносят иррациональные состояния, понимание которых невозможно с точки зрения даже расширенной рациональности. Многие здесь опираются на веру: эффективность визуализационных и иных медитативных техник, конечные цели и идеалы практика. Если современная наука подтверждает интеракцию сознания и тела, которая, на наш взгляд, используется в описанных выше практиках, то онтологический статус тонкоэнергетического тела, нематериальных существ и многого другого сейчас остаётся под большим вопросом. Методы и способы традиционного описания мира так же отличаются от современных. Так же остро стоит вопрос о существовании тонких состояний сознания («Ясный свет», «Алая-виджняна»), на которые опирается практика буддизма. В то же время строгая практика ведет к определённым состояниям сознания и интуитивного постижения, состояния полного просветления – «нирвана» – является более сложным, комплексным феноменом, напрямую не вытекающим из предварительных практик. На наш взгляд, до определённого уровня можно говорить о рациональности мистического пути познания. Однако наиболее высокие уровни подобного постижения являются иррациональными.

Во *втором параграфе* «Мистическое мышление как смысло- и целеполагание» анализируется структура буддийского духовного пути (Благородный Восьмеричный путь), а также особенности даосского мировоззрения. Если первые этапы Благородного Восьмеричного Пути задают цели, ориентиры и общекультурные методы движения по духовному пути, то заключительный этап подробно объясняет методы достижения необходимых медитативных и созерцательных состояний. Практика правильного сосредоточения позволяет интериоризовать практиком духовные и культурные установки, развить особое понимание себя, своего тела и сознания, применить доктринальные постулаты на непосредственной практике.

В даосизме человек рассматривается как элемент, гармонично вписанный в структуры Вселенной и общества. Более того, все структуры взаимно

подобны по принципу голограммы – «большое содержится в малом, а малое – в большом». На всех уровнях действуют одинаковые законы появления, развития и упадка. Мистический путь познания подразумевает осознание данных законов и следование им в жизни конкретным практиком. Буддийский способ описания мира имеет несколько другие цели. Фундаментальной особенностью любой жизни является страдание, которое необходимо остановить. Мир рассматривается как универсум, порожденный различными состояниями сознания. Благородный Восьмеричный путь предлагает рассмотреть и распознать функционирование сознания, его феноменальную наполненность («дхармы»). Следующим этапом является умение сознательно контролировать феноменальную наполненность сознания от возможности выбора желательных состояний до их полного прекращения.

В *третьем параграфе «Тонко-энергетическая система человека»* рассматриваются особые мистические практики Буддизма Ваджраяны и Даосизма. Тантрические методы являются особым быстрым путём достижения мистических состояний, который требует большой осторожности и руководства со стороны грамотного учителя. Тантра использует сильнейшие инстинкты человека (сексуальность) и направляет их в духовное русло; применяются визуализационные и медитативные техники, позволяющие добиться искомым состояний. В данных техниках, с одной стороны, существует почитание и порождение адептом себя, в качестве божества («йидама»), а с другой – осознание иллюзорности и «йидама», и мира, и собственного существа. Имеет ли тонко-энергетическая система онтологический статус? На наш взгляд, она является системой описания связи «сознание-тело», технологически применимая в целях и задачах буддийского пути познания. На уровне практики это удобная система описания тела и структуры сознания. Более того, при систематической практике элементы тонкоэнергетического тела могут быть даны в опытном знании. Но является ли фальсифицируемым этот опыт и его ощущения? Ответ на данный вопрос может дать лишь дальнейшее очень внимательное изучение буддийских практик современной наукой. Этот вопрос находится на тонкой грани связи сознания и биологического тела, где вымысел и реальность перетекают друг в друга, что, безусловно, сильно затрудняет научный способ понимания этих процессов. Элементы веры определяют опыт мистика-практика, в то же время опыт мистика может быть отрефлексирован и без прямых отсылок к вере. Согласно даосскому мировоззрению, первоначальной реальностью является Пустота, Ничто, «Уци», из которого проявляется великий предел («Тайцзи») и последующие космологические уровни. Каждый предыдущий уровень является более простым по отношению к последующему, в то же время более фундаментальным. Каждый предыдущий уровень развития вселенной запускает последующий. Китайская космология связана с нумерологией, астрологией, традиционной медициной и представляет собой единую гармоничную систему. Согласно принципу «микрокосм подобен макрокосму», устройство человеческого тела и функционирования сознания структурно подобно устройству

вселенной и идеальным законам функционирования этой вселенной. Даосы применяют единую систему описания микрокосма (человека) и макрокосма (вселенной). Ключевым элементом всей системы мира является энергия «Ци», которая может существовать во множестве разновидностей. Все физические объекты являются материализацией энергии «Ци». Мир представляется как трёхуровневая структура: Небо (идеальное) – Земля (материальное) – Человек (среднее звено). Все элементы мира взаимосвязаны по принципу «подобное отзывается подобному». Человек имеет возможность сознательно управлять энергией «Ци» через медитации, визуализации и иные упражнения, а также очищать, сублимировать и концентрировать данную энергию. На начальных этапах практики управление энергией «Ци» происходит на уровне представления и визуализации. Продолжительная практика позволяет непосредственно ощущать и манипулировать энергией «Ци», её передвижением по энергетическим каналам и киноварным полям («даньтяни»). Даосская система духовных практик нацелена на эволюционное развитие адепта в направлении Материя-Дух. Даосские практики объединяют всю систему китайского традиционного мироописания, построенную с целью достижения «конечной цели». «Конечной целью» даосских практик является освобождение от материальной обусловленности жизни, достижение просветления и бессмертия (духовного или/и физического).

В **Заключении** фиксируются основные выводы и результаты проведенного исследования и проясняется перспектива дальнейшего развития темы.

**Основные положения диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях.**

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК

1. Шашин, З. С. Представление о времени в Книге перемен / З. С. Шашин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч. журн. – 2011. – № 4(1). – С. 18–22.

2. Шашин, З. С. Сознание в восточном мистицизме на фоне европейской научной парадигмы / З. С. Шашин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч. журн. – 2013. – № 3(1). – С. 22–25

В других изданиях:

3. Шашин, З. С. Социальная направленность в буддизме Махаяны / З. С. Шашин // Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия: сб. науч. материалов студ. и аспирантов. Вып. 2. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 25–28.

4. Шашин, З. С. Диалог рациональности и мистики / З. С. Шашин // Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия: сб. науч. материалов студ. и аспирантов. Вып. 3. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – С. 58–61.

5. Шашин, З. С. Интроспективная стратегия исследования сознания в восточной философии / З. С. Шашин // Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия: сб. науч. материалов студ. и аспирантов. Вып. 4. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – С. 54–58.

6. Шашин, З. С. Психосоматические представления о устройстве и функционировании человеческого организма в даосизме / З. С. Шашин // Актуальные проблемы истории и философии науки: теория и практика: материалы конф. – Ростов н/Д, 2013 – С. 75–82.

7. Шашин, З. С. Мистическое мышление: структура и формы / З. С. Шашин // Advanced science. – 2013. – № 2(4). – С. 140–152. – URL: <http://www.vyatsu.ru/nash-universitet/nauchnyiy-elektronnyiy-zhurnal-advanced-science/novyiy-nomer.html>

12

Подписано в печать 18.11.2013 г.
Формат 60×84/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 1,25.
Тираж 100 экз.
Заказ № 264.

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674